

ЭРИК ФРЭНК РАССЕЛ
ДЬЯВОЛОГИКА

Фантастический рассказ

Художник Константин ФАДИН

Облетев планету, он внимательно осмотрел её. Без сомнения, эту планету населяли существа с высокоразвитым интеллектом. Доказательством тому были легко узнаваемые с высоты судовой палубы, переплетения железнодорожных рельсов в сортировочных пунктах, энергостанции, каменоломни, заводы, шахты, комплексы жилых строений, мосты и еще немало других свидетельств обитания на планете быстро размножающихся существ, наделенных разумом. Крайне важно было наличие космопортов. Он их насчитал три.

Глядя вниз через небольшой иллюминатор рубки, он понял, что контакт чреват опасностью. За множество столетий освоения человеком космического пространства было открыто более семисот планет, пригодных для жизни. Их обследовали. На всех обитали живые существа. Разумные — на немногих. Но до этого самого мгновения еще никто не сталкивался со столь высокоразвитой формой жизни.

Он послал бы радиogramму с подробным описанием увиденного, если бы находился в пределах досягаемости пограничного сторожевого поста. Даже теперь еще не поздно полететь обратно и через семнадцать недель оказаться в зоне, откуда его сигнал будет принят этим постом. Но в таком случае ему придется искать планету, где он сможет дозаправиться, а ведь сейчас до нее рукой подать. На этой планете, несомненно, было горючее. Быть может, они поделятся с ним.

Сейчас же запаса горючего ему хватит только на то, чтобы совершить посадку и потом вернуться на базу. Э! Синица в руках лучше журавля в небе. Он изменил направление полета, и корабль нырнул в атмосферу чужой планеты, взяв курс на самый большой космопорт из трех.

Казалось, будто они выскочили из-под земли, как это случается у людей, когда на пустынной дороге происходит авткатастрофа.

Аборигены были низкорослы — самые высокие не превышали пяти футов. Не будь этого, они походили на него, розовощекого и голубоглазого, не менее, чем монголоиды, обросшие мягкой серой шерстью.

Окружив плотным кольцом космолет, они тараторили, жестикулировали, подталкивали друг друга локтями, о чем-то спорили, пожимали плечами — словом, вели себя, как толпа зевак, собравшаяся на краю глубокой темной ямы, из которой доносятся странные звуки. Их поведение было примечательно тем, что ни один из аборигенов не выказал и тени страха, никто даже украдкой не пытался отойти подальше от космолета. Единственное, чего они опасались — это внезапного выхлопа газов из молчавших сейчас сопел реактивных двигателей.

Он вышел не сразу. Согласно Правилу № 1 перед выхо-

Публ. Eric Frank Russell «Connoisseur's S. F.», Middlesex, England, 1964.

© Перевод с английского: «Искатель».

дом необходимо проверить состав атмосферы чужой планеты. Воздух, которым дышат аборигены, вполне может оказаться для него непригодным.

Анализатору Шрибера требовалось четыре минуты, чтобы сообщить своему повелителю, может ли тот милостиво снизойти до того, чтобы дышать этой смесью.

Выключив анализатор, он открыл входной люк, уселся, свесив ноги, которые теперь свободно болтались в восьмидесяти ярдах от поверхности планеты. С этого удобного наблюдательного пункта он спокойно разглядывал толпу, как человек, который может плюнуть кому-нибудь в физиономию, зная, что на ответный плевок никто не осмелится. Шестое правило дьявологии гласит: чем выше, тем недоступнее. Доказательство: тактическое преимущество чаек перед людьми.

Поскольку те, внизу, были существа разумные, они быстро оценили невыгодность своего положения. Не имея возможности вскарабкаться наверх по полированной поверхности корабля, они практически были не в состоянии добраться до пришельца. Впрочем, они жаждали приблизиться к нему, не имея при этом каких-либо враждебных намерений. Ведь желание тем сильнее, чем меньше возможности его удовлетворить.

Чтобы еще больше раздражить их, он повернулся к ним боком, обхватив руками согнутую в колене ногу, и продолжал разглядывать их с видом полного превосходства. А они должны были стоять и пялить на него глаза, рискуя вывихнуть себе шею.

Чем дольше это продолжалось, тем большее нетерпение проявляли аборигены. Некоторые уже что-то кричали ему скрипучими голосами. Этим он снисходительно улыбался. Другие пытались объяснить с ним жестами. Он отвечал им тоже жестами, что отнюдь не радовало тех, кто поумнее. По какой-то непонятной причине ни одного ученого не заинтересовал вопрос, почему в любом уголке Вселенной одни и те же жесты вызывают у тех, к кому они обращены, только отрицательные эмоции. Те, кто изучал основы дьявологии, проходили курс, известный под названием «Уязвление с помощью жестов». Усвоив его, человек в любой ситуации был способен выразить свое презрительное отношение к любому инопланетянину наиболее обидным для того жестом.

Какое-то время толпа беспокойно шевелилась; аборигены покусывали серую шерсть на пальцах рук, тихо переговаривались и иногда бросали в его сторону злобные взгляды. Они по-прежнему держались вне опасной зоны, видимо, думая, что у существа, разлегшегося у входного люка, вероятно, есть напарник, который дежурит у пульта управления.

Так продолжалось до тех пор, пока не подъехало несколько неуклюжих громоздких автомашин, из которых высыпали солдаты. Вновь прибывшие, одетые в униформу цвета вывалившейся в грязи свиньи, были вооружены дубинками и ручными пулеметами. Они построились в три ряда, повинувшись лающим звукам команды, резко повернулись направо и зашагали вперед. Толпа расступилась, пропуская их.

Они окружили корабль, отрезав его от скопища зевак.

Трое офицеров торжественно прошли по кругу и внимательно все осмотрели, соблюдая, однако, безопасную дистанцию. Потом они вернулись на исходные позиции, и, задрав головы, устремили взгляд на инопланетянина.

Старший из трех офицеров похлопал себя по тому месту, где у него, должно быть, находилось сердце, наклонился и постучал рукой по земле, а когда снова поднял глаза на сидевшего высоко над ним гостя, придал своему лицу безмятежно-миролюбивое выражение. С его запрокинутой головы слетела фуражка, и, повернувшись, чтобы ее поднять, он на нее наступил.

Как видно, это маленькое приключение доставило удовольствие тому, кто находился на восемьдесят ярдов выше — он хихикнул и свесился наружу, чтобы получше рассмотреть неуклюжего офицера. Офицер, с покрасневшим под серой шерстью лицом повторил свой призывный жест. На этот раз тот, другой, соизволил его понять. Небрежным кивком он выразил свое согласие и скрылся в корабле. Спустя несколько секунд по поверхности корабля змеей скользнула нейлоновая лестница, и нарушитель спокойствия спустился по ней с ловкостью обезьяны.

Когда он предстал перед ними, солдат и толпу любопытных поразили безволосое лицо, огромное могучее тело и то, что, насколько они могли судить, у него не было никакого оружия. Следовало ожидать, что его внешность окажется необычной. В конце концов они сами сделали несколько вылазок в космос и видели еще более диковинные формы жизни. Но какое, спрашивается, живое существо обладает таким высокоразвитым интеллектом, чтобы выстроить космолет, и вместе с тем настолько неразумно, что пренебрегает какими бы то ни было средствами защиты?

Их мышление всегда подчинялось законам логики.

Убогие недоумки.

Офицеры и не пытались завести разговор с этим экспонатом из необозримых просторов космоса. Они не обладали телепатическими способностями, а опыт, приобретенный в космических путешествиях, открыл им одну простую истину: от издаваемых ртом звуков нет никакой пользы, пока та или иная сторона не научится понимать их значение. Поэтому они жестами объяснили ему, что хотят отвезти его в город, где с ним встретятся другие аборигены, более сведущие в вопросах установления контактов. Они прекрасно объяснились с помощью рук, что естественно для чужь ли не единственных, по их мнению, разумных существ, которым удалось открыть новые миры.

Он согласился на это с высокомерием владыки, который снисходит до общения со своими подданными, он повел себя так с первой же минуты встречи с аборигенами. Быть может, под влиянием анализатора Шрибера он немного перегибал палку. Когда охранники повели его к грузовикам, толпа расступилась снова. Он прошествовал через образовавшийся проход, одарив всех язвительным жестом № 17 — кив-

ком, которым дал понять, что признает их право на существование и уж как-нибудь вытерпит их примитивный интерес к своей персоне.

Грузовики покатали прочь, оставив позади космолет с открытой дверью и болтающейся в воздухе лестницей. Не осталось незамеченным, что пришелец не принял никаких мер, чтобы помешать им проникнуть внутрь корабля. Пусть, мол, специалисты обыскивают его и беспрепятственно воруют идеи у других мыслящих существ, которые, подобно им самим, проторили дорогу в космос.

Ни один из представителей таких высокоразвитых существ не мог быть столь преступно небрежен. Следовательно, тут и речи не было ни о какой небрежности. Отсюда логический вывод: принцип устройства корабля не стоит того, чтобы его засекречивать, ибо это устройство безнадежно устарело. Или же, напротив — позаимствовать какие-либо идеи невозможно, потому что существа, не достигшие определенного уровня развития, все равно в них не разберутся. За кого он их принимает? Уж они его проучат, тому свидетель сам Кас, владыка преисподней.

Один из младших офицеров влез по лестнице наверх, осмотрел корабль, спустился на землю и доложил, что не обнаружил больше ни одного пришельца; там не было даже ручного лансима и ни крошки съестного. Выходит, незнакомец прибыл сюда один. Эта новость облетела толпу. На аборигенов она не произвела особого впечатления. Вот если бы их посетила целая флотилия боевых кораблей с десятью тысячами солдат на борту, такое они бы поняли. Ведь это была бы демонстрация военной мощи, превосходящей их собственную.

Тем временем грузовики покинули территорию космопорта, промчались миль двадцать по сельской местности и въехали в город. Здесь машина, которая шла во главе колонны, отделилась от остальных, свернула к западному предместью и наконец остановилась перед похожим на крепость зданием, окруженным высоченной стеной. Пришелец вылез из машины, и его тут же препроводили в тюремную камеру.

Здесь он тоже повел себя странно. Ему следовало бы возмутиться: никто ведь еще не объяснил ему, почему с ним так обошлись. А он вот не возмутился. Полюбовавшись на аккуратно застеленную койку, словно она являла собой предмет роскоши, предоставленный ему в знак признания его полномочий, он, как был, в одежде, в ботинках, улегся на нее, глубоко, с удовлетворением вздохнул и погрузился в сон. Рядом с его ухом висели часы, и их тиканье заменило ему неумолчное тиканье автопилота, без которого в космосе понастоящему не заснешь.

В камеру не раз заглядывали охранники, чтобы проверить, не пытается ли он потихоньку отпереть замки или распылить на атомы каким-нибудь своим, неизвестным им способом прутья решетки. Но он все храпел, отрешенный от мира, не подозревая, что тревожный озноб мало-помалу охватывает всю космическую империю.

Он еще спал, когда пришел Пэрмис, нагруженный книгами с картинками. Пэрмис уселся на стул около кровати и стал терпеливо ждать, пока от соседства со спящим не отяжелели его собственные веки, и он поймал себя на том, что мысленно прикидывает, удобно ли лежать на застеленном ковром полу. Тут он решил, что ему следует либо взяться за работу, либо улечься на пол. И он разбудил спящего, потыкав его в бок пальцем.

Они взялись за книги. «Ах — это «ахмад» — резвящийся в траве. «Ай» — это «айсид» — запаянный в стекле. «Оом — это «оом-тук» — найден на Луне. «Ухм» — это «ухмлак» — смешит толпу везде. И так далее.

Прерывая урок только для того, чтобы поесть, они заучивали слова весь день напролет и достигли немалых успехов. Пэрмис был первоклассным педагогом, пришелец — наим способнейшим учеником, который мгновенно схватывал все и ничего не забывал. В конце этого первого урока они уже могли немного побеседовать, обменяться несколькими простыми фразами.

— Меня зовут Пэрмис. А как зовут вас?

— Уэйн Гилдер.

— Два имени?

— Да.

— А как зовут вас во множественном числе?

— Землянами.

— А мы называем себя вардами.

Из-за недостатка слов разговор на этом закончился, и Пэрмис ушел. Через девять часов он вернулся в сопровождении некоего Герки, который был помоложе и специализировался на декламации — он бубнил одни и те же слова и фразы до тех пор, пока его слушателю не удавалось повторить их с безукоризненным произношением. Они занимались этим еще четыре дня с утра и до позднего вечера.

— Вы не пленник.

— Знаю, — сказал Гилдер мягко, но достаточно самоуверенно.

Пэрмис несколько растерялся.

— Откуда вам это известно?

— Вы б не осмелились посадить меня в тюрьму.

— Но почему?

— У вас недостаточно информации обо мне. Поэтому вы обучаете меня своему языку — вам ведь нужно побольше выведать у меня и как можно скорее.

Это было настолько очевидно, что крыть было нечем. Пэрмис пропустил слова Гилдера мимо ушей и промолвил:

— Вначале мне казалось, что нам потребуется девяносто дней, чтобы научить вас говорить бегло. А сейчас похоже, что хватит и двадцати.

— Если б мои соплеменники не отличались необычайной живостью ума, обучение продвигалось бы не так быстро, — заметил Гилдер.

На лице Герки отразилось беспокойство, Пэрмис смущенно заерзал.

— Нам еще не приходилось обучать вардов, — ехидно до-

бавил Гилдер. — Пока что ни один не пожаловал к нам в гости.

Пэrmис торопливо произнес:

— Мы должны продолжить наш урок. Одна высокая комиссия хочет задать вам несколько вопросов и ждет, когда вы научитесь говорить бегло и внятно. Займемся-ка повторением звукосочетания «фс», произношение которого вы еще до конца не усвоили. Поупражняйтесь на одной весьма трудной фразе. Вслушайтесь, как ее произносит Герка.

— Фсон дис фслимен фсангафс, — нараспев продекламировал Герка, терзая свою нижнюю губу.

— Фусонг дис...

— Фсон, — поправил Герка. — Фсон дис фслимен фсангафс.

— На языке цивилизованных людей это звучит лучше: «Вечерняя сырость гонит прочь комаров». Фусонг...

— Фсон! — настойчиво повторил Герка, стреляя звуками как из рогатки.

Комиссия расположилась в пышно убранном зале с полукруглыми рядами сидений, которые были установлены на десяти ступенях амфитеатра. Присутствовало четыреста аборигенов. По тому, как вокруг них увивались слуги и всякая чиновничья мелюзга, можно было заключить, что здесь собрались самые важные чины.

Так оно и было на самом деле. Четыреста аборигенов представляли политическую и военную власть планеты, возглавлявшей космическую империю из двух десятков Солнечных систем и вдвое большего количества обитаемых миров. Совсем недавно они были твердо убеждены, что являются чуть ли не творцами Вселенной. А теперь у них на этот счет возникли кое-какие сомнения.

Когда два охранника ввели Гилдера и усадили его лицом к поднимающимся вверх ступеням амфитеатра, разговоры смолкли. Варды впились глазами в пришельца. Одни смотрели на него с любопытством, другие — с недоверием, некоторые вызывающе, большинство — с откровенной неприязнью.

Усевшись поудобнее, Гилдер оглядел присутствующих с выражением человека, который, придя в зоопарк, задержался у одной из наиболее вонючих клеток. Иными словами — с легким отвращением. Он потер указательным пальцем нос и принюхался. Язвительный жест № 22 — им пользовались в присутствии многочисленного собрания инопланетян, облеченных властью, и сейчас он вызвал именно ту реакцию, на которую был рассчитан. С полдюжины наиболее воинственно настроенных аборигенов, расшвирепев, готовы были растерзать его.

Пожилой вард с покрытым шерстью нахмуренным лицом поднялся с места и, обращаясь к Гилдеру, словно продекламировал вызубренную заранее речь:

— Только особи с высокоразвитым интеллектом и мыслящие сугубо логически способны покорить космос. Поскольку не вызывает сомнений, что вы относитесь именно к такой

категории живых существ, для вас не составит труда понять нашу позицию. Само ваше присутствие здесь вынуждает нас со всей серьезностью обсудить вопрос о том, какая из взаимоисключающих категорий лучше: сотрудничество или борьба за первенство, мирное соседство или война.

— Ни одному явлению не свойственны две взаимоисключающие крайности, — заявил Гилдер. — Есть черный цвет и есть белый, да вдобавок еще множество оттенков перехода одного в другой. Есть слово «да» и есть слово «нет», а кроме них, всякие «если», «однако» и «быть может». Вот вам пример: «Отодвинувшись, вы могли бы стать недосыгаемыми».

Они, существа с упорядоченным мышлением, без особого удовольствия восприняли то, как он запутал нить их логических рассуждений. Не понравился им и узелок на конце этой нити — последняя фраза, в которой явно крылся какой-то намек. Пожилой абориген еще больше нахмурился, голос его стал резче.

— Вам следовало бы оценить и свое собственное положение. Вы здесь один, а нас миллионы. И какой бы силой ни обладал каждый представитель вашего племени, лично вы абсолютно беспомощны. Поэтому спрашивать будем мы, а вы — отвечать. Если б мы с вами поменялись местами, было бы наоборот. Такова логика вещей. Вы готовы ответить на наши вопросы?

— Да.

Одних такой ответ явно удивил. Другие же приуныли, не сомневаясь, что, само собой, он скажет только то, что найдет нужным, а остальную информацию утаит.

Опустившись на свой стул, пожилой абориген сделал знак варду, сидевшему слева от него. Тот встал и спросил:

— Где находится ваша базовая планета?

— Сейчас я этого не знаю.

— Не знаете? — Судя по его тону, вард предвидел, что трудности возникнут уже в самом начале допроса. — А как вы сможете вернуться на нее, если вам неизвестно, где она находится?

— Когда я окажусь в радиусе распространения радиоволн ее маяка, я поймаю сигнал и полечу в нужном направлении.

— Но разве, чтобы найти ее, вам недостаточно ваших космических карт?

— Нет.

— Почему?

— Потому что она перемещается в пространстве вне зависимости от какого-нибудь крупного космического тела.

— Вы имеете в виду, что это планета, которая вырвалась за пределы своей Солнечной системы?

— Вовсе нет. Это база космолетов-разведчиков. Вы же наверняка знаете, что это такое, не правда ли?

— Нет, не знаю! — рявкнул вард, который вел допрос. — Объясните.

— Это небольшая искусственная планетка сферической формы. Что-то вроде пограничного сторожевого поста.

Присутствовавшие, пытаясь оценить значение полученной

информации, вполголоса заговорили между собой и шумно заерзали.

Абориген с невозмутимым видом продолжал:

— Вы назвали это пограничным сторожевым постом, но ведь такое определение ничего не говорит о координатах вашей родной планеты.

— А вы об этом не спрашивали. Вы спросили о моей базе. Я это слышал собственными ушами.

— Допустим. Так где же находится ваша родная планета?

— Без карты я не могу указать вам ее местоположение. У вас есть карты необследованных районов космоса?

— О да. — Его противник улыбнулся, с нарочитой торжественностью он достал и развернул карты. — Мы раздобыли их на вашем корабле.

— И правильно сделали, — обрадованно сказал Гилдер, отчего у всех вытянулись лица. Встав со стула, он приблизился к картам, ткнул пальцем в ту, что лежала сверху, и воскликнул: — Вот она, добрая старушка Земля! — после чего вернулся на место.

Вард посмотрел на указанную точку на карте, потом окинул взглядом присутствующих, собрался было что-то сказать, но передумал и промолчал. Достав авторучку, он сделал на карте пометку.

— Планета, которую вы называете Землей, — это она основала вашу империю и является ее центром?

— Да.

— И на ней возник ваш род?

— Да.

— А сколько таких, как вы? — твердым голосом продолжал вард.

— Этого никто не знает.

— Разве вы не ведете счет себе подобным?

— Когда-то давным-давно мы этим занимались. А в настоящее время мы слишком рассредоточены, нас разбросало по всей Вселенной. — Гилдер призадумался и добавил: — Впрочем, могу вам сообщить, что четыре миллиарда моих соплеменников обосновались на трех планетах нашей Солнечной системы. А сколько их за ее пределами — это загадка. Нас можно разделить на две группы. Одна — это пустившие корни в родной почве, другая — оторвавшиеся от нее, и сколько этих последних — сосчитать невозможно. Да они сами бы воспрепятствовали такому подсчету: а вдруг кому-нибудь придет в голову заставить их платить налог. В итоге получается четыре миллиарда плюс неизвестное число.

— Это нам ничего не говорит, — возразил вард. — Мы же не знаем число, которое следует приплюсовать.

— Мы тоже, — сказал Гилдер. — Порой нас эта неизвестность просто пугает. — Он обвел взглядом присутствующих. — Если по сей день это дополнительное число лишь иногда вызывало страх, сейчас самое время прийти от него в ужас.

Еще больше нахмурившись, вард сформулировал вопрос иначе:

— Вы сказали, что какая-то часть ваших соплеменников

обитает в других Солнечных системах. Сколько планет они освоили?

— По последним статистическим данным, семьсот четырнадцать. Но эти сведения уже устарели. Пока готовят очередной доклад, таких планет становится на восемьдесят больше.

— И вы полностью освоили такое огромное количество планет?

— А разве какую-нибудь планету можно освоить полностью? Да мы еще не добрались до ядра своей собственной, и сомневаюсь, что нам это когда-нибудь удастся. — Гилдер пожал плечами и закончил свою мысль: — Нет, мы просто разгуливаем по поверхности этих планет и слегка их при этом общипываем.

— Вы хотите сказать, что ведете на них разработки полезных ископаемых?

— Да, если такая формулировка вас больше устраивает.

— А случилось, что аборигены оказывали вам сопротивление?

— Очень незначительное, друг мой, очень незначительное.

— И что вы в таких случаях предпринимали?

— Это зависело от обстоятельств. На одних аборигенов мы просто не обращали внимания, других наказывали, третьих просвещали.

— Просвещали? — недоуменно переспросил вард.

— То есть прививали им наше мировоззрение.

Какой-то пузатый субъект, сидевший в третьем ряду, не выдержал и вскочил на ноги.

— Вы надеетесь, что и мы будем смотреть на вещи вашими глазами? — раздраженно спросил он.

— Ну, не сразу, конечно, — ответил Гилдер.

— Может, вы считаете, что мы неспо...

Пожилой абориген, который выступал первым, поднялся с места и заявил:

— Либо мы будем вести допрос по всем правилам логики, либо откажемся от него вообще. Он должен идти без отступлений: пока кто-нибудь один задает вопросы, другие не вмешиваются. — Он властно кивнул варду, который держал при себе карты: — Продолжайте, Тормин.

И Тормин продолжил допрос, затянувшийся на целых два часа. Видимо, он был экспертом-астрономом, так как все его вопросы в той или иной степени имели отношение к этой области науки. Гилдер охотно ответил на часть вопросов, а что касается остальных — сослался на свою некомпетентность.

Наконец Тормин сел и с глубокомысленным видом погрузился в изучение сделанных им пометок в блокноте. Теперь вопросы стал задавать вард по имени Грасуд, который за последние полчаса прямо-таки извертелся от нетерпения.

— Является ли ваш корабль новейшей моделью космолетов такого класса?

— Нет.

— Есть более усовершенствованные?

— Да.

— Намного ли они лучше?

— Откуда я знаю? Мне ведь еще не поручали пилотировать такой космолет.

— Не странно ли, — многозначительно проговорил Грасуд, — что нашу планету обнаружил космолет устаревшей конструкции, а не более современный?

— Нисколько. Это чистая случайность. Так сложилось, что я полетел сюда, а другие разведчики — кто на старых, кто на новых кораблях — отправились по другим маршрутам. Сколько направлений в глубинах космоса? Сколько радиусов может быть у сферического тела?

— Поскольку я не математик, мне...

— Будь вы математиком, — перебил его Гилдер, — вам было бы известно, что их число выражается цифрой 2^n . — Он обвел взглядом аудиторию и поучающим тоном добавил: — Коэффициент 2 вытекает из того легко доказуемого факта, что радиус — это половина диаметра, а 2^n — это наименьшее число, которое любого собьет с толку.

Сбитый с толку Грасуд попытался было вникнуть в смысл сказанного, но сразу же сдался и спросил:

— Значит, этим числом определяется количество ваших кораблей-разведчиков?

— Нет. Нам ни к чему проводить разведку во всех направлениях. Эти корабли отправляются только к тем звездам, которые нам видны.

— А разве звезды не везде?

— Разумеется, везде, если рассматривать этот вопрос без учета расстояния до них. Разведчиков посылают в самые близкие, еще не исследованные Солнечные системы, тем самым сокращая до минимума число холостых полетов.

— Вы уклоняетесь от темы, — сказал Грасуд. — Сколько таких кораблей, как ваш, совершают сейчас разведывательные полеты?

— Двадцать.

— Двадцать? — Он притворился, будто утратил интерес к этому вопросу. — И только-то?

— А что, этого недостаточно? До каких же пор, по-вашему, можно использовать устаревшие модели?

— Я спрашиваю не о космолетах устаревшей конструкции. Сколько у вас действующих разведывательных кораблей вообще?

— Честно говоря, не знаю. И сомневаюсь, знает ли это кто-нибудь другой из моих соплеменников. Помимо самой Земли, у которой свои флотилии, разведывательные экспедиции в космос снаряжают и некоторые из наиболее технически развитых колоний. Более того, два-три других вида разумных существ кое-чему у нас научились и, вдохновившись нашим примером, начали осваивать космическое пространство. Поэтому подсчитать количество космолетов для нас теперь так же невозможно, как произвести перепись себе подобных.

Ни словом не возразив Гилдеру, Грасуд продолжал:

— По нашим меркам, ваш корабль не так уж велик. У вас, несомненно, есть и побольше. — Он наклонился вперед и пристально посмотрел на Гилдера. — Какова величина ва-

шего самого большого космолета, если его сравнить с тем, на котором вы прилетели сюда?

— Самый большой из тех, что я видел, — это линейный космолет «Ланс». Его масса в сорок раз превышает массу моего корабля.

— Какова численность живой силы на борту?

— Членов экипажа — свыше шестисот, но в случае геобходимости этот корабль может вместить втрое большее число моих соплеменников.

— Итак, вам точно известно, что существует как минимум один космолет, который при критических обстоятельствах может взять на борт около двух тысяч ваших соплеменников, верно?

— Да.

Присутствующие снова заерзали, раздался гул приглушенных голосов. Не обращая внимания на этот шум, Грасуд, внешне полный решимости во что бы то ни стало выудить самые подробные сведения, продолжал допрос.

— А есть у вас еще корабли такого же размера?

— Да.

— Сколько?

— К сожалению, не знаю. Если б знал, я бы сказал.

— Может, у вас даже есть космолеты размером и больше?

— Вполне вероятно, — не стал отрицать Гилдер. — Но если такие есть, я еще ни одного не видел. Впрочем, это ничего не значит. Сколько бы ты ни прожил, а всего не увидишь. Если вы пересчитаете предметы, которые у вас перед глазами, прибавите количество тех, что вы уже видели, то останется какое-то число предметов, которые вам еще предстоит увидеть. И если на осмотр каждого из них вы потратите по секунде, потребуется...

— Меня это не интересует! — рявкнул Грасуд, боясь запутаться в непривычных для его мышления доводах пришельца.

— И напрасно, — сказал Гилдер. — Ведь если от бесконечного числа отнять сколько-то миллионов, останется все то же бесконечное число. Следовательно, вы можете отнять от целого какую-то часть, а целое не станет меньше. Получается, что один пирог можно съесть дважды. Разве нет?

Грасуд шлепнулся на свое сиденье и с выражением крайнего недовольства обратился к престарелому варду:

— Я хочу получить конкретные сведения, а не выслушивать громогласное опровержение основных правил логики. Его болтовня нарушает стройный ход моих мыслей. Пусть им займется Шахдинг.

Осторожно поднявшись со стула, Шахдинг начал расспрашивать о разных видах оружия, которым располагают земляне, и способах обращения с ним. В своем допросе он твердо держался одной линии, чтобы у землянина не возникло соблазна увести его в сторону от основной темы. Задавая вопросы, он проявил хитрость и проницательность. Гилдер отвечал свободно, без запинки и выложил все, что мог.

— Выходит, — сказал Шахдинг, подводя итог допросу, — вы отдаете предпочтение силовым полям, неким лучам, па-

рализующим центральную нервную систему, бактериологической войне, демонстрации военной мощи и бесконечным переговорам с целью убедить противника принять ваши условия. Поскольку вы в столь значительной степени пренебрегаете баллистикой, эта наука у вас наверняка отстает в развитии.

— Да она и не могла бы развиваться, — сказал Гилдер. — Поэтому мы перестали ею заниматься. По той же причине мы в свое время прекратили возню с луками и стрелами. Ни один разовый удар не может превзойти непрерывное и длительное воздействие. — И, словно с некоторым запозданием, ему в голову пришла еще одна мысль, добавил: — Во всяком случае, можно доказать, что никакая пуля не попадет в бегущего.

— Чушь! — воскликнул Шахдинг, который сам некогда дважды сумел вернуться от пули.

— Когда пуля достигнет точки, в которой находился бегущий в момент выстрела, тот уже будет далеко впереди, — сказал Гилдер. — В этом случае пуле нужно преодолеть это дополнительное расстояние, но окажется, что там его нет — он уже убежал дальше. Она покрывает и это расстояние — и вновь его не находит. Так оно и продолжается.

— Но ведь пуля постепенно теряет пробивную силу и перестает отвечать своему назначению, — ехидно заметил Шахдинг.

— На любое расстояние, которое преодолевает пуля, уходит определенный, пусть очень малый, отрезок времени, — разяснял Гилдер. — И даже если делить частицу времени на все уменьшающиеся доли, все равно в результате получится не ноль, а бесконечный ряд небольших отрезков времени, составляющий в сумме бесконечный временной период. Подсчитайте-ка сами, и вы поймете, что пуля не попадет в бегущего, потому что не сможет его настигнуть.

Судя по реакции присутствующих, им до сих пор никогда не приходилось выслушивать такие доводы или самим додуматься до чего-либо подобного. Однако ни один из них не был настолько глуп, чтобы принять это утверждение за непреложный факт. Все были достаточно сообразительны и распознали в нем логическое или псевдологическое отрицание само собой разумеющегося и легко доказуемого явления.

Они сразу же стали искать слабое место в этом чуждом для них рассуждении пришельца и, обсуждая между собой этот вопрос, так расшумелись, что Шахдинг был вынужден молча ждать, пока они утихнут. Сидевшие в первом ряду амфитеатра вскочили со своих мест, опустили на колени и принялись чертить на полу диаграммы, все больше распекаясь и надрывая голоса до хрипа. Несколько вардов в последнем, верхнем, ряду амфитеатра, казалось, вот-вот хватит удар.

Наконец пожилой вард, Шахдинг и еще двое одновременно проревели:

— Молчать!!!

Члены следственной комиссии неохотно расселись по своим местам, продолжая что-то бормотать себе под нос, жестикулировать и показывать друг другу листки бумаги с наброс-

ками схем. Шахдинг гневно взглянул на Гилдера и открыл было рот, чтобы продолжить допрос.

Опередив его, Гилдер небрежно произнес:

— Это кажется глупостью, не так ли? Но ведь может произойти все, что угодно, абсолютно все. К примеру, особь мужского пола может жениться на сестре своей вдовы.

— Нет, не может, — заявил Шахдинг, чувствуя, что в состоянии опровергнуть это, особо не мудрствуя. — Чтобы жена стала вдовой, муж должен умереть.

— Представьте себе, что особь мужского пола женится на особи женского пола и та вскоре умирает. Тогда он женится на ее сестре и умирает сам. Разве его первая жена не является в этом случае сестрой его вдовы?

— Я здесь не для того, чтобы своими хитросплетениями меня дурачил пришелец с чуждым для нас образом мышления! — выкрикнул Шахдинг. Он решительно опустился на свой стул и чуть погодя, немного успокоившись, сказал сидевшему рядом с ним варду: — Ладно, Кадина, теперь будьте любезны, займитесь им вы.

С выражением полной уверенности в себе Кадина встал и окинул властным взглядом окружающих. Ростом он был выше других вардов, одет в мундир с темно-красного цвета отделкой на рукавах. Впервые за последние полчаса все умолкли.

Удовлетворенный впечатлением, которое он произвел, Кадина повернулся к Гилдеру и заговорил; голос у него был ниже тоном и не такой скрипучий, как у тех, кто беседовал с Гилдером до него.

— Кроме кое-каких маловажных проблем, которых вы, бабы ради, коснулись и тем самым поставили в тупик моих соотечественников, — вкрадчиво начал он, — вы, не улыбая и не колеблясь, ответили на наши вопросы. Вы снабдили нас обильной информацией, весьма полезной с точки зрения военных специалистов.

— Я рад, что вы оценили это, — сказал Гилдер.

— О да, мы это ценим. И даже очень. — В улыбке Кадины было что-то зловещее. — Однако есть один вопрос, в который не мешало бы внести ясность.

— Какой же?

— Если б все было наоборот, если б какой-нибудь разведчик-вард подвергся перекрестному допросу перед собранием ваших соплеменников и так же охотно, как вы, сообщил разного рода сведения... — Кадина не закончил фразу, взгляд его стал жестким, и он прорычал: — В этом случае мы б сочли, что он предал свой народ, и приговорили бы его к смертной казни.

— Как же мне повезло, что я не вард, — сказал Гилдер.

— Рано радуетесь, — отрезал Кадина. — Смертный приговор ничего не значит только для тех, кому он уже вынесен.

— Куда вы клоните?

— Я вот думаю, а не совершили ли вы там, у себя, тягчайшее преступление и потому ищете у нас убежища? Впрочем, возможно, что вы сбежали по какой-нибудь другой причине, но, как бы там ни было, вы без малейшего колебания

предали своих соплеменников. — На его лице появилась все та же зловещая улыбка. — И все-таки приятно было бы узнать, почему вы ответили на наши вопросы.

— Все очень просто, — сказал Гилдер, в свою очередь, улыбнувшись, но так, что Кадине эта улыбка не очень-то понравилась. — Дело в том, что я неисправимый лжец.

И, сказав это, он встал и смело пошел к выходу. Охранники проводили его в камеру.

Он провел в ней три дня, съедая регулярно приносимую ему пищу с раздражающим аборигенов удовольствием, развлекал себя, записывая какие-то цифры в маленький блокнот, и, казалось, так же наслаждался жизнью, как легендарный разведчик космоса по имени Ларри. На исходе третьего дня ему нанес визит какой-то незнакомый вард.

— Меня зовут Булак. Быть может, вы помните меня. В том зале, где вы отвечали на вопросы комиссии, я сидел в конце второго ряда.

— Там присутствовало четыреста ваших соплеменников, — сказал Гилдер. — Я не могу помнить каждого. — Он подвинул варду стул. — Впрочем, это не имеет значения. Присаживайтесь и поднимите для удобства ноги, если внутри этих ваших странных ботинок вообще есть ноги. Чем могу быть вам полезен?

— Сам не знаю.

— Но ведь что-то побудило вас прийти ко мне, не так ли?

Булак был сама печаль.

— Я бегу от тумана.

— Какого тумана?

— Того, который вы здесь напустили. — Он поскреб волосатое ухо, внимательно осмотрел пальцы и уставился на стену. — Главной целью комиссии было определить уровень вашего интеллекта. От этого и только от этого зависит наше отношение к контакту с другими завоевателями космоса.

— Я сделал все, чтобы помочь вам, разве нет?

— Помочь? — эхом отозвался Булак, как бы повторяя какое-то новое и непонятное для него слово. — Помочь? И вы называете это помощью? На самом-то деле допрос должен был выявить, шагнула ли ваша логика вперед по сравнению с нашей и можно ли вывести из ваших посылок более совершенные умозаключения.

— Ну и как?

— Кончилось тем, что вы попрали все законы логики. Оказывается, пуля не может никого убить! Прошло уже три дня, а пятьдесят членов комиссии все еще не пришли по этому поводу к единому мнению, а сегодня утром один из спорящих доказал, что никто не может подняться по приставной лестнице. Друзья перессорились, родственники начинают ненавидеть друг друга. Состояние остальных трехсот пятидесяти членов комиссии немногим лучше.

— А их-то что тревожит? — поинтересовался Гилдер.

— Они спорят о том, что есть истина, и едва удерживаются, чтобы не пустить в ход кулаки, — сказал Булак таким

тоном, будто был вынужден упомянуть о чем-то непристойном. — По вашим словам, вы — неисправимый лжец. Отсюда следует, что само это заявление — ложь. Тогда выходит, что вы не являетесь неисправимым лжецом. Вывод: вы можете быть неисправимым лжецом, только не будучи им. И еще — вы можете быть неисправимым лжецом только в том случае, если вы неисправимы.

— Плохо дело, — посочувствовал Гилдер.

— Чем дальше, тем хуже, — продолжал Булак, — потому что если вы и вправду неисправимый лжец — с позиции логики это заявление само себя опровергает, — то все сведения, которые вы нам сообщили, не стоят и мешка с гнилым зерном. Если же вы на допросе говорили правду, то ваше последнее утверждение, что вы лжец, тоже должно соответствовать истине. Но если вы неисправимый лжец, то все, что вы нам сказали, — ложь.

— Вздохните-ка поглубже, — посоветовал Гилдер.

— Однако, — продолжал Булак, сделав глубокий вздох, — поскольку ваше последнее заявление лживо, все остальное, сказанное вами, может оказаться правдой. — В глазах его появилось безумное выражение, и он принялся размахивать руками. — Но из-за того, что вы признаете себя неисправимым, ни одну вашу фразу нельзя считать ни ложной, ни правдивой, потому что тщательный анализ выявляет неразрешимое противоречие, которое...

— Успокойтесь, — сказал Гилдер, похлопав его по плечу, — ведь это же естественно, когда стоящий на более высокой ступени развития приводит в замешательство того, кто еще не достиг этого уровня. Беда в том, что вы пока недостаточно развиты и мыслите несколько примитивно. — Он поколебался и таким тоном, будто решил высказать смелое предположение, добавил: — Честно говоря, меня не удивит, если я узнаю, что до сих пор вы мыслите логически.

— Во имя Великого Солнца! — воскликнул Булак. — А как еще мы можем мыслить?

— Как мы, — ответил Гилдер. — Когда ваш интеллект для этого созреет.

Он дважды обошел вдоль стен свою камеру и задумчиво произнес, словно эта мысль только что пришла ему в голову:

— Кстати, в настоящее время вам не удалось бы разобраться в проблеме: «Почему это мышь, когда вертится волчком».

— Почему это мышь, когда вертится волчком? — как попугай повторил Булак, и у него отвисла челюсть.

— Или возьмем задачу полегче, которую на Земле может решить любой ребенок.

— Какую же?

— Общеизвестно, что островом называется часть суши, со всех сторон окруженная водой.

— Совершенно верно.

— А теперь представим себе, что все Северное полушарие планеты занято сушей, а все Южное — водой. Является ли Северное полушарие островом, а Южное — океаном?

Булак минут пять размышлял над этим. Потом на листке бумаги нарисовал круг, разделил его пополам, заштриховал

одну из половин и несколько минут рассматривал свой рисунок, после чего сунул эту бумагу в карман и встал.

— Некоторые из нас с удовольствием перерезали бы вам глотку, если б не опасались, что ваши соплеменники, возможно, точно знают, где вы находитесь, и способны за это покарать. Остальные охотно дали бы вам улететь и проводили бы вас с почестями, если б не боялись уронить себя в глазах существ с более низким уровнем интеллекта.

— Рано или поздно им все-таки придется принять какое-либо определенное решение, — заметил Гилдер, внешне не выказав никакого интереса к тому, какая из сторон возьмет верх в этом споре.

— А за это время, — с подавленным видом продолжал Булак, — мы осмотрели ваш космолет, который может быть космолетом устаревшей конструкции или новейшей — в зависимости от того, солгали вы или сказали правду. Мы имеем доступ ко всему, кроме двигателей и дистанционного управления, ко всему, кроме самого главного. Чтобы определить, превосходят ли они по своим параметрам наши двигатели и нашу систему дистанционного управления, нам пришлось бы разобрать ваш корабль на части, а значит, разрушить его и сделать вас пленником.

— Что же вас останавливает?

— То, что ваш прилет может быть провокацией. Если ваши соплеменники обладают значительной военной мощью и хотят развязать с нами войну, им нужен предлог. А наше дурное к вам отношение как раз и явится таким предлогом. Той искрой, которая взорвет бочку с порохом. — Он безнадежно махнул рукой. — Что можно предпринять, если приходится работать в потемках?

— Можно попробовать решить вопрос, сохранит ли зеленый лист свой цвет в беспросветном мраке.

— С меня достаточно, — заявил Булак и пошел к двери. — Более, чем достаточно. Остров или океан, а? Да не все ли равно? Пойду-ка я к Мордэфе.

С этими словами он удалился, беспокойно шевеля пальцами, а на его покрытом шерстью лице содрогался каждый волосок. После его ухода двое охранников боязливо заглянули в камеру сквозь решетку. У них был такой вид, будто им поручили присматривать за опасным маньяком.

Мордэфе пришел к нему на следующий день после полудня. Это был пожилой, тощий и какой-то очень уж морщинистый вард с не соответствующими его внешности живыми молодыми глазами. Усевшись, он внимательно оглядел Гилдера и спокойно заговорил, взвешивая каждое слово.

— Исходя из того, что доходило до моих ушей, я вывел основной закон, касающийся живых существ, которые, по нашим представлениям, наделены разумом.

— Вы его вывели умозрительно?

— А как же иначе? У меня нет другой возможности. Все живые существа, которых нам пока что удалось обнаружить на других планетах, не являются по-настоящему разумными. Некоторые из них кажутся таковыми, но это только видимость. Что касается вас, то вы, безусловно, обладаете таким

запасом знаний, который, быть может, рано или поздно накопим и мы, но это время пока не пришло. И если вдуматься, нам еще повезло, раз мы сознаем, что контакт с вами — дело крайне рискованное. Не предскажешь, чем он может обернуться.

— В чем же суть этого закона?

— В том, что правящая верхушка в любых подобных нашему обществах в большинстве случаев состоит из властолюбцев, а не специалистов в той или иной области.

— Неужели?

— К сожалению, это так. Места в правительстве захватывают алчущие власти; они не достаются тем, кого интересуют иные проблемы. — Он немного помолчал. — Однако из этого не следует, что нами правят дураки. Как организаторы масс, они достаточно умны, но при всем при том слишком невежественны за пределами этого узкого поля деятельности. Слабое место власти в том, что неуважение к ней ее обессиливает. Стоит раструбить о невежестве правителей, и их голос будет едва слышен.

— Хм! — Гилдер смотрел на него с возрастающим уважением. — Из всех, с кем я здесь общался, вы первый, кто видит дальше собственного носа.

— Благодарю, — сказал Мордэфе. — Так вот, сам факт, что вы рискнули посадить здесь свой корабль, на котором, кроме вас, никого не было, а позже вконец заморочили головы нашим высокопоставленным деятелям, — сам этот факт указывает на то, что ваши соплеменники разработали методику поведения в подобной ситуации с учетом комплекса возможных случайностей или даже целую серию таких методик, каждая из которых применяется в зависимости от обстоятельств.

— Давайте дальше! — нетерпеливо воскликнул Гилдер.

— Такие методики разрабатываются скорей всего на основе практики, а не теоретических выкладок, — продолжал Мордэфе. — Иными словами, они — результат огромного опыта, многочисленных исправленных и учтенных ошибок, испытаний на пригодность для тех или иных условий, настойчивых попыток добиться максимального успеха при минимальных затратах сил. — Он взглянул на своего собеседника. — Ну как, прав я или нет?

— Пока придраться не к чему.

— К настоящему времени нам удалось прочно утвердить свою власть на сорока двух планетах, причем без особых трудностей, если не считать стычек с примитивными формами жизни. Однако мы можем обнаружить равного нам по силе врага на сорок третьей планете, когда она будет открыта. Кто знает? Так вот, ради того, чтобы обосновать одну идею, давайте допустим, что разумные существа заселяют одну из сорока трех обитаемых планет.

— А что нам даст эта посылка? — живо спросил Гилдер.

— Лично я полагаю, — задумчиво проговорил Мордэфе, — что для разработки правильных методик общения с разумными существами, обитающими в любой точке Вселенной, необходим опыт, который можно приобрести лишь в резуль-

тате контакта по крайней мере с шестью их разновидностями. Отсюда следует, что ваши соплеменники открыли и обследовали не менее двухсот пятидесяти планет. И это по скромному подсчету. Истинное же их число вполне может соответствовать тому, которое вы назвали.

— Так, значит, я не являюсь неисправимым лжецом? — улыбувшись, спросил Гилдер.

— Это несущественно, и наши правители, если будут еще какое-то время в здравом рассудке, придут к такому же выводу. Быть может, вы в своих интересах несколько исказили кое-какие факты и кое-что преувеличили. Если так, не в нашей власти это изменить. Вдобавок, это все равно не повлияет на истинное положение вещей, а именно: совершенно очевидно, что вы намного опередили нас в области освоения космоса. Отсюда следует, что ваш род старше нашего, обладает более развитым интеллектом и превосходит нас численно.

— Звучит достаточно логично, — признал Гилдер.

— Пощадите! — взмолился Мордэфе. — Если вы загоните меня в тупик какими-нибудь ложными выводами, я не успокоюсь, пока из него не выберусь. А это не пойдет на пользу ни вам, ни мне.

— Вот как! Значит, вы намерены сделать что-то полезное для меня?

— Кто-то же должен наконец принять то или иное решение, если ясно, что правительство на это неспособно. Я собираюсь посоветовать им освободить вас и отпустить на все четыре стороны, пожелав вам всех благ.

— Вы считаете, что они прислушаются к вашему совету?

— Разумеется. И вам это известно — вы же рассчитываете именно на такой исход. — Мордэфе бросил на Гилдера пронизательный взгляд. — Они ухватятся за мое предложение, чтобы вернуть чувство собственного достоинства. Если все обойдется благополучно, они присвоят себе честь такого мудрого решения. Если же нет — вся вина падет на мою голову. — Он задумался, затем с искренним любопытством спросил: — А вам случалось наблюдать подобный расклад где-нибудь еще, у других разумных существ?

— Везде одно и то же, — заверил его Гилдер. — И у всех всегда находится свой Мордэфе, который улаживает дело таким же образом, как вы. Власть имущие и козлы отпущения шагают рука об руку, как супружеские пары.

— Хотел бы я когда-нибудь встретиться со своим двойником-инопланетянином. — Встав со стула, Мордэфе пошел к двери. — Если б я сегодня не посетил вас, как долго могли бы вы с вашей сложной психологической структурой пребывать в ожидании, не впадая в депрессию?

— До тех пор, пока в это дело не вмешался бы кто-нибудь другой вроде вас. Если никто не берет на себя эту роль добровольно, великие мира сего теряют терпение и кому-нибудь ее навязывают из среды себе подобных. Власть существует за счет пожирания собственных внутренностей.

— Это уже похоже на парадокс, — с легким укором заметил Мордэфе и ушел.

Гилдер стоял, глядя сквозь решетку, которая закрывала верхнюю половину двери. Два охранника, прислонившись к стене напротив его камеры, не спускали с него глаз.

Обращаясь к ним, он произнес шутливо-добродушным тоном:

— Ни у какой кошки нет восьми хвостов. У любой кошки на один хвост больше, чем у кошки несуществующей. Поэтому у каждой из них по девять хвостов.

Охранники сердито насупились.

К космолету он прибыл в сопровождении внушительного эскорта. Зрелище было впечатляющее: присутствовали все четыреста членов правительственной комиссии, около ста из них были в роскошных парадных мундирах, остальные — в своих лучших праздничных одеяниях. Вооруженный конвой под лай команды прожонглировал винтовками. Кадина елейным голосом произнес речь, заверив Гилдера в братской любви и яркими красками расписав, какое их всех ждет лучезарное будущее. Кто-то преподнес ему букет дурно пахнущих растений, и Гилдер про себя отметил, что люди и варды воспринимают один и тот же запах по-разному.

Поднявшись по нейлоновой лестнице на корабль, он посмотрел вниз с высоты в восемьдесят ярдов. Кадина все еще махал ему на прощанье рукой. Гилдер высморкался в носовой платок — язвительный жест № 9, задраил люк и уселся в кресло перед пультом управления.

Из сопел с глухим рокотом вырвалось пламя. Струя пара, ударив в землю, осыпала толпу провожающих комьями грязи. Это случилось случайно, не по инструкции. «А жаль, — подумал он. — В инструкции должно быть предусмотрено все. Такого рода вещи мы обязаны систематизировать. Грязевой ливень необходимо упомянуть в разделе, посвященном прощанию космонавта с аборигенами».

Корабль с ревом взмыл в небо, оставив позади планету вардов. Когда космолет вырвался из гравитационного поля этой Солнечной системы, Гилдер взял курс на тот сектор, где можно было поймать волну радиомаяка, и включил автопилот.

Какое-то время он неподвижно сидел, вперив взгляд в усыпанную блестками звезд непроглядную тьму. Потом сделал запись в бортовом журнале.

«Куб К-49, сектор 10, Солнце класса Д7, третья планета. Название — Вард. Аборигены именуют себя вардами; уровень интеллекта по космической шкале — ВВ; осваивают космос, имеют колонии на сорока двух планетах. Примечание: до некоторой степени укрощены».

Он взглянул на свою маленькую полку с книгами, прикрепленную к стальной переборке. Не хватало двух томов. Варды украли книги, в которых было много всевозможных иллюстраций и диаграмм. Остальные они не тронули — у них ведь

